

А.Л. Плискун

*магистрант, Высшая школа словесности,
европейских и восточных языков
науч. рук. проф. И.В. Кичева*

Текстообразующая роль окказиональных лексем в прозе А. Платонова

Языковые аномалии в художественном тексте – это способ организации художественного мира произведения. Они представляют собой систему принципов и закономерностей, которые применяются автором последовательно на всех языковых уровнях. Художественная речь А. Платонова как раз является «образцово аномальной» [1: 4], она поражает своей гармоничностью и целостностью.

Особый интерес представляют словообразовательные аномалии.

Это различные преобразования словообразовательной структуры отдельного слова или словообразовательных моделей в целом. Автор использует их как основной прием текстообразования.

В прозе А. Платонова можно встретить интересные примеры окказиональных лексем, созданных автором на базе существующих в русском языке производящих единиц. Например, окказиональные образования на базе просторечий и диалектизмов: *скорота* [= скорость], *меляшки* [= мелочи], *пересечка*, *властишка*, *заботчик* («Сокровенный человек»).

Такие окказионализмы используются Платоновым в различных целях. Так, слово *пересечки* [вместо пересечения] вероятно, употреблено автором, чтобы показать, что в лексиконе данного героя нет правильного варианта. Порой такие аномалии отражают неумелое использование героем слов из канцелярского языка, авторитетного для него: *Ввиду сломатия* [вместо поломки] *штока...* («Сокровенный человек»).

Однако чаще всего у подобных новообразований иные функции – текстотворения и концептуализации художественного мира. Например: *... и нет теперь заботчика* [вместо развернутого сочетания – того, кто позаботится] *о продовольствии...* («Сокровенный человек»). – Именное словообразование со значением деятеля, при котором происходит семантический сдвиг. Аналогичным образом в окказионализме сворачивается целая ситуация с отрицательным предикатом: – *Мальчик! Непочетник* [вместо – тот, кто не почитает] *родителям будет! – решила старуха* («Чевенгур»).

Окказиональное словообразование общественно-политической лексики в прозе А. Платонова является отражением не только собственного мировоззрения писателя, но и общих тенденций развития языка той эпохи: [Пашкин – ночью, жене] – *Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы! Дай я к тебе за это приорганизуюсь!* («Котлован»). Данная словообразовательная модель имеет соответствие и в языке эпохи: глагол абстрактного действия *организоваться* используется для образования окказионализма по словообразовательной модели конкретного действия со значением включения в совместную деятельность (например: *приобшусь, присоединюсь*).

В 20-30-х годах широко использовались (в речах партийных руководителей, в документах, газетах и т.д.) существительные с суффиксом -енец: отщепенец, перерожденец и др. А. Платонов в своих произведениях по такой модели образует окказионализмы *упущенец, переугожденец, опереженец, головокруженец*. Эти новообразования, как отмечает З.С. Санджи-Гаряева [3: 3], перекликаются у А. Платонова со статьями

И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», в которых идет речь о забегании вперед, о перегибах линии партии, об опережении партийных директив. Например: *Перегибщик или головокруженец есть подкулачник* («Впрок»); – *Ты нам не переугождай! – возражающе произнес Сафронов...* – *Значит, я переугожденец?* («Котлован»); *...он чувствовал воспоминание, что он головоотяп и упущенец, – так его называли в бумагах из района* («Котлован»).

Такие окказиональные лексемы, как *перегибщина, переусердщина, переусердие, забеговщество* образованы на базе ключевых слов и выражений, активно используемых в то время: перегибать линию, забегать вперед, переусердствовать, упускать: *А опасения от переусердия уже имеются* («Впрок»); *...в лежащей директиве отмечались мало-желательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии...* («Котлован»).

В следующем примере мы видим замену понятия «чрезвычайный» на понятие «обычный». *Был просто внезапный случай по распоряжению обычайки. – Чрезвычайки? – Ну да* («Чевенгур»). С помощью окказионализма *обычка* автор показывает, насколько привычны и обыденны стали репрессивные меры властей.

Таким образом, окказиональное словообразование в прозе А. Платонова – это примета не только идиостиля писателя, но и примета языка той эпохи. Платоновские новообразования, через которые он пародирует и критикует советский «новояз», выражают негативное отношение к существующей власти, связывают тексты произведений в единое целое, делают прозу писателя такой уникальной.

Библиографический список

1. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография. М.: Флинта, 2012. 322 с.
2. Санджи-Гаряева З.С. Андрей Платонов и официальный язык // ВЯ. 2004. № 1. С. 118-132.
3. Санджи-Гаряева З.С. Пародийно-комическая функция неузального словообразования в прозе А. Платонова // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 217-223.